

1860–1904

«Говорят, что у человека пять чувств... Это неправда. У человека есть еще одно чувство — пошлость. И сильное чувство!.. Человек смотрит и видит не то, что видит его глаз, — а то, что видит его пошлость. Даже там, где нет ничего пошлого, — он увидит пошрое... И одной сплошной пошлостью сделает всю жизнь свою. Никто так ясно не открывал в человеке этого шестого могучего чувства, как Антон Павлович. Никто с такою жалостью к человеку не обрисовал этого чувства, как он».

Ф. И. Шаляпин

классика
В!
кармане

классика в кармане

А. П. ЧЕХОВ

классика
в кармане

Вишневый сад

Повести ♦ Рассказы ♦ Пьеса

А. П. ЧЕХОВ

классика
в кармане

«Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагаются их жизни и разбиваются их сердца».

А. П. Чехов

«Действующие лица в пьесе “Вишневый сад” являются воплощением рокового хаоса, а вся пьеса — не что иное, как полет в Вечность».

А. Белый

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

А. П. ЧЕХОВ

Вишневый сад

Повести ♦ Рассказы ♦ Пьеса

Вишневый сад

*классика
в кармане*

А. П. ЧЕХОВ

Вишневый сад

Повести ♦ Рассказы ♦ Пьеса

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
Ч-56

Проект Д. Е. Веселова

Печатается по изданию:

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем :
В 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ;
Редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д. Д. Благой, Г. А. Бялый,
А. С. Мясников, Л. Д. Опульская (зам. гл. ред.), А. И. Ревякин,
М. Б. Храпченко. — М. : Наука, 1974–1983. — Т. 5–6, 8–10.

Вступительная статья *И. Н. Сухих*

Комментарии *И. Н. Сухих, А. Д. Степанова*

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Пьера Лапрада «Дама в саду», И. Э. Браза «Портрет А. П. Чехова»
Иллюстрации из книги Н. Эфрос «“Вишневый сад”».
Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского художественного
театра» (Петербург, 1919); художник С. В. Чехонин;
фотографы М. Сахаров, П. Орлов

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

ЧЕХОВ Антон Павлович

Вишневый сад. Повести. Рассказы. Пьеса

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залипаева*

Подписано в печать 20.12.2012. Формат 76x100/32.

Усл. печ. л. 8,44. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

www.ttornado.com.ua

Украина, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

© И. Н. Сухих, составление,
вступительная статья, комментарии, 2013

© А. Д. Степанов, комментарии, 2013

© Nemiroltd, 2013

© ЗАО «Фирма Бертельсманн Медиа
Москва АО», 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)

ISBN 978-5-88353-511-5 (БММ)

ISBN 978-966-14-4835-2 (КСД)

«Вишневый сад» и окрестности

В 1901 году, начиная работу над рассказом «Архиерей» (еще никто не знает, что он окажется последним), Чехов напишет жене: «Сюжет ... сидит у меня в голове уже лет пятнадцать».

Это не частное суждение, а общее правило. Чеховские рассказы, повести, драмы — словно большой город, в котором живут тысячи людей, незнакомых друг с другом, лишь случайно сталкивающихся «На пути»: «В аптеке», «В бане», «В усадьбе», «В приюте для неизлечимо больных и престарелых», «На даче», «На мельнице», «На подводе», «У знакомых» (заглавия рассказов разных лет). Однако автор все время хранит в сознании этот мир и в нужный момент включает свет в, кажется, давно забытом доме.

В текстах, разделенных десятилетиями, буквально повторяются реплики, «рифмуются» ситуации; герои произносят похожие монологи и совершают сходные поступки, «микросюжет» одного рассказа становится фабулой другого, и наоборот.

«Вишневый сад» стал завещанием. За восемь месяцев до смерти Чехов послал пьесу в МХТ, за полгода — присутствовал на ее премьере, за месяц, накануне отъезда в Баденвейлер, вышло ее отдельное издание.

Но сюжет и мотивы странной комедии «сидели в голове» едва ли не четверть века, начиная с первых чеховских литературных шагов. Огромную юношескую драму «Безотцовщина» (ее заглавие условно, потому что титульный лист рукописи утерян) некоторые исследователи называют «Вишневым садом»-первым. В ней уже есть и погибающая от долгов усадьба, и безалаберные хозяева-помещики, и ловкий купец, и даже реплика о «несносных пачулях».

« — Несмотря на всё мое желание, я не мог продать ее дороже. — Кто ее купил? — Я, Борис Пельдер...» — проходной диалог из повести «Ненужная победа» (1882), которую Чехов на пари написал в подражание популярному тогда венгерскому беллетристу Мору Йокаи.

Пройдет двадцать пять лет — и эти реплики откликнутся в одной из самых драматических сцен, кульминации «Вишневого сада».

«Любовь Андреевна. Продан вишневый сад?»

Лопехин. Продан.

Любовь Андреевна. Кто купил?

Лопехин. Я купил.

Пауза.

Любовь Андреевна угнетена; она упала бы, если бы не стояла возле кресла и стола.

Прочитавшие этот сборник подряд, страница за страницей, заметят и другие разноуровневые ступеньки-образы, ведущие к последней пьесе: и гибнущий прекрасный сад, и несостоявшиеся объяснения в любви, и пугающий таинственный звук, и разговор на разных языках. А рассказ «У знакомых» — почти конспект, повествовательный набросок «Вишневого сада»-второго, пьесы вызывающе-простой и загадочно-сложной.

На первый взгляд, Чехов написал едва ли не пособие по русской истории конца XIX века. В «Вишневом саду» есть три лагеря, три социальные группы: безалаберные, разоряющиеся дворяне, прежние хозяева имения и вишневого сада; предприимчивый, деловой купец, покупающий это имение и вырубаящий сад, чтобы построить на этом месте доходные дачи; ничего не имеющий «вечный студент» Петя Трофимов, который спорит со старыми и новым владельцем и верит в будущее: «Вся Россия — наш сад».

На самом деле, в пьесе сталкиваются не социальные типы, а скорее социальные исключения, *живые люди*, как говорил сам Чехов. Индивидуальное в чеховских героях, причуды, капризы характера, кажется, определенно и явно поглощает типическое.

Однако сквозь чудачества и случайности, сквозь паутину слов проступает железный закон социальной необходимости, неслышная поступь истории.

Раневская и Гаев добры, обаятельны и лично не виновны в тех грехах крепостничества, которые приписывает им «вечный студент». И все-таки в кухне людей кормят горохом, остается умирать в доме «последний из могикан» Фирс, и лакей Яша предстает как омерзительное порождение именно этого быта.

Лопехин — купец с тонкой душой и нежными пальцами. Он рвется, как из смирительной рубашки, из предназначенной ему роли: убеждает, напоминает, уговаривает, дает деньги взаймы. Но, в конце концов, он делает то, что без лишних размышлений и метаний совершали грубые купцы: становится «топором в руках судьбы», покупает и рубит вишневый сад, «прекраснее которого нет на свете».

Петя Трофимов, который в последнем действии никак не может отыскать старые галоши, похож на древнего философа, рассматривающего звезды над головой, но не заметившего глубокой

ямы под ногами. Но именно лысеющий «вечный студент», голодный, бесприютный, полный, однако, «неизъяснимых предчувствий», все-таки увлекает, уводит за собой еще одну невесту, как это было и в последнем чеховском рассказе.

Избегая прямолинейной социальности, Чехов, в конечном счете, подтверждает логику истории. Мир меняется, сад обречен — и ни один добрый купец не способен ничего изменить.

Своеобразие конфликта чеховской драмы глубоко и точно определил А. П. Скафтымов: «Драматически-конфликтные положения у Чехова состоят не в противопоставлении волевой направленности разных сторон, а в объективно вызванных противоречиях, перед которыми индивидуальная воля бессильна... И каждая пьеса говорит: виноваты не отдельные люди, а все имеющееся сложение жизни в целом».

Развивая эти идеи, обычно говорят о внутреннем и внешнем действии, внутреннем и внешнем сюжете чеховских рассказов и пьес. Они развиваются, разворачиваются по-разному. Внешний сюжет (борьба вокруг сада и имения) представлен достаточно традиционно, фабульным путем. Внутренний — и главный — сюжет «Вишневого сада» просвечивает сквозь фабулу, пульсирует, лишь временами вырываясь на поверхность.

Человек в потоке времени — так можно определить внутренний сюжет «Вишневого сада». Чехов в последний раз размышляет о том, что делает с человеком время и можно ли как-то противостоять ему, удержаться в нем.

Оказываясь победителями или побежденными во внешнем сюжете, герои чеховской драмы в равной степени останавливаются перед феноменом времени, вдруг — поверх социальных и психологических различий — совпадают в глубинном мироощущении. В самые, казалось бы, неподходящие моменты, посреди бытовых разговоров, случайных реплик и фраз разные герои произносят слова о непостижимом феномене жизни. Они — «простые как мычание», в них нет ничего мудреного, никакой особой «философии времени», если подходить к ним с требованиями объективной, драматической логики. Но в них есть другое — глубокая правда лирического состояния, подобная тоже простым пушкинским строчкам:

Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем.

Чехов дал пьесе жанровый подзаголовок *комедия*. Точно так же восемью годами раньше он определил жанр «Чайки».

Очевидно, что это жанровое определение нельзя понимать традиционно, автор придавал ему какой-то особый, индивидуальный, смысл.

С привычной точки зрения, несмотря на присутствие комических эпизодов (связанных, главным образом, с Епиходовым и Симеоновым-Пищиком), «Вишневый сад» далек от канонов классической комедии. Он не встает в один ряд с «Горем от ума» и «Ревизором». Гораздо ближе пьеса к жанру драмы в узком смысле слова, строящейся на свободном сочетании комических и драматических, а иногда и трагических эпизодов.

Но история литературы знает, однако, и другие «комедии», далеко выходящие за пределы комического. Это «Комедия» Данте, получившая определение «Божественной», или «Человеческая комедия» Оноре де Бальзака. «Вишневый сад» — комедия жизни, индивидуальный *чеховский жанр*, сочетающий, но более резко, чем в традиционной драме, вечные драматические противоположности — *смех и слезы*.

Для пьесы важен не только второй сюжет и связанный с ним подтекст, но и «надтекст» — система символов и главный из них, вынесенный в заглавие драмы.

Образ сада, как и все в пьесе, диалектичен, антиномичен. Даны его конкретные, бытовые приметы: о вишневом саде говорится в энциклопедии, цветущие деревья видны в окна дома, с него собирали когда-то большие урожаи, в конце его рубят «веселые дровосеки». Но именно вокруг сада выстраиваются размышления героев о времени, о прошлом и будущем России, именно он «провоцирует» самые исповедальные монологи и реплики, проявляет характеры героев, обозначает поворотные моменты сюжета. Конкретный образ перерастает в символ, связывая воедино основные мотивы пьесы.

«Аня. <...> Я дома! Завтра утром встану, побегу в сад...».

«Гаев. <...> Сад весь белый. Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо, точно протянутый ремень, она блестит в лунные ночи. Ты помнишь? Не забыла?»

«Трофимов. Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест».

«Лопухин. Приходите все смотреть, как Ермолай Лопухин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь...».

«Любовь Андреевна. О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..».

Этот образ вызвал в свое время, как известно, суровую отповедь Бунина, отказавшегося прочесть его символический смысл и упрекнувшего Чехова в недостаточной реалистичности: «Вопреки Чехову, нигде не было в России садов сплошь вишневых».

«С появлением чеховской пьесы, — возражает много ставивший Чехова режиссер А. Эфрос, — эта бунинская правда (а быть может, он в чем-то и был прав) переставала казаться правдой. Теперь такие сады в нашем сознании есть, даже если буквально таких и не было».

Причем важно заметить, что в отличие, например, от «Чайки», где символ имеет локальный характер, в «Вишневом саде» Чехов находит простой и в то же время глубокий *охватывающий символ*, позволяющий «стянуть» в одно целое самые разнообразные содержательные аспекты пьесы, показать характеры вне прямого конфликта, в форме реакции, отношения к центральному символическому образу.

Второй ключевой символический образ уже не предметный, а звуковой: знаменитый звук лопнувшей струны, дважды появляющийся в пьесе. Скорее всего он появился в «Вишневом саде» не только из биографии (впервые звук сорвавшейся бадьи появляется в рассказе «Счастье»), но и из литературы.

В эпилоге толстовского романа (ч. 1, гл. XIV) Пьер рассуждает: «Что молодо, честно, то губят! Все видят, что это не может так идти. Все слишком натянуто и непременно лопнет...» И чуть далее: «Когда вы стоите и ждете, что вот-вот лопнет эта натянутая струна; когда все ждут неминуемого переворота, — надо как можно теснее и больше народа взяться рука с рукой, чтобы противостоять общей катастрофе».

Если символический образ вишневого сада — ядро, сердце изображаемого мира, то звук лопнувшей струны — знак конца этого мира, мира, взятого как целое, во всех его противоречиях.

Герои — все — бегут от настоящего, и это приговор ему, заметили мы ранее. Но и такая мысль имеет в пьесе Чехова противоположную сторону. Гибель вишневого сада (прекрасного) — в разной, конечно, степени, но все-таки приговор тем людям, которые не смогли или не захотели его спасти.

«Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.

Занавес».

В самом начале века Чехов угадывает новую формулу человеческого существования: расставание с идеалами и иллюзиями прошлого, потеря дома, гибель сада, выход на большую дорогу, где людей ожидает пугающее будущее и жизнь «враздробь».

«Читать “Вишневый сад”, зная, каким будет XX век. Тут-то и появляется трагедия», — заметил один французский критик (Ж. Баню. «Наш театр — «Вишневый сад»). Последняя фраза книги — “Вишневый сад” заканчивается, когда начинается зима».

Чеховский *комплекс сада* определил новое время.

И. Н. Сухих

ЧУЖАЯ БЕДА

Было не более шести часов утра, когда новоиспеченный кандидат прав Ковалев сел со своей молодой женою в коляску и покатил по проселочной дороге. Он и его жена прежде никогда не вставали рано и теперь великолепие тихого летнего утра представлялось им чем-то сказочным. Земля, одетая в зелень, обрызганная алмазной росой, казалась прекрасной и счастливой. Лучи солнца яркими пятнами ложились на лес, дрожали в сверкавшей реке, а в необыкновенно прозрачном, голубом воздухе стояла такая свежесть, точно весь мир божий только что выкупался, отчего стал моложе и здоровей.

Для Ковалевых, как потом они сами сознавались, это утро было счастливейшим в их медовом месяце, а стало быть и в жизни. Они без умолку болтали, пели, без причины хохотали и дурачились до того, что в конце концов им стало совестно кучера. Не только в настоящем, но даже впереди им улыбалось счастье: ехали они покупать имение — маленький, «поэтический уголок», о котором они мечтали с первого дня свадьбы. Даль подавала обоим самые блестящие надежды. Ему мерещились впереди служба в земстве, рациональное хозяйство, труды рук своих и прочие блага, о которых он так много читал и слышал, а ее соблазняла чисто романтическая сторона дела: темные аллейки, ужение рыбы, душистые ночи...

За смехом и разговорами они и не заметили, как проехали 18 верст. Имение надворного советника Михайлова, которое они ехали осматривать, стояло на высоком, крутом берегу речки и пряталось за березовой рощицей... Красная крыша едва виднелась из-за густой зелени, и весь глинистый берег был усажен молодыми деревцами.

— А вид недурен! — сказал Ковалев, когда коляска переезжала на ту сторону бродом. — Дом на горе, а у подножия горы река! Чёрт знает как мило! Только, знаешь, Верочка,

лестница никуда не годится... весь вид портит своею топорностью... Если мы купим это имение, то непременно устроим чугунную лестницу...

Верочка тоже понравился вид. Громко хохоча и гримасничая всем телом, она побежала вверх по лестнице, муж за ней, и оба они, растрепанные, запыхавшиеся, вошли в рощу. Первый, кто встретил их около барского дома, был большой мужик, заспанный, волосатый и угрюмый. Он сидел у крылечка и чистил детский полусапожек.

— Г-н Михайлов дома? — обратился к нему Ковалев. — Ступай доложи ему, что приехали покупатели имение осматривать.

Мужик с тупым удивлением поглядел на Ковалевых и медленно поплелся, но не в дом, а в кухню, стоявшую в стороне от дома. Тотчас же в кухонных окнах замелькали физиономии, одна другой заспаннее и удивленней.

— Покупатели приехали! — послышался шёпот. — Господи твоя воля, Михалково продают! Погляди-кось, какие молоденькие!

Залаяла где-то собака и послышался злобный вопль, похожий на звук, какой издают кошки, когда им наступают на хвост. Беспokoйство дворни скоро перешло и на кур, гусей и индеек, мирно шагавших по аллеям. Скоро из кухни выскочил малый с лакейской физиономией; он пощурил глаза на Ковалевых и, надевая на ходу пиджак, побежал в дом... Вся эта тревога казалась Ковалевым смешной, и они едва удерживались от смеха.

— Какие курьезные рожи! — говорил Ковалев, переглядываясь с женой. — Они рассматривают нас, как дикарей.

Наконец из дома вышел маленький человечек с бритым старческим лицом и с взъерошенной прической... Он шаркнул своими рваными, шитыми золотом туфлями, кисло улыбнулся и усталый неподвижный взгляд на непрощенных гостей...

— Г-н Михайлов? — начал Ковалев, приподнимая шляпу. — Честь имею кланяться... Мы вот с женой прочли публикацию земельного банка о продаже вашего имения и теперь приехали познакомиться с ним. Быть может, купим... Будьте любезны, покажите нам его.

Михайлов еще раз кисло улыбнулся, сконфузился и замигал глазами. В замешательстве он еще больше взъерошил свою прическу, и на бритом лице его появилось такое смешное выражение стыда и ошалелости, что Ковалев и его Верочка переглянулись и не могли удержаться от улыбки.

— Очень приятно-с, — забормотал он. — К вашим услугам-с... Издалека изволили приехать-с?

— Из Конькова... Там мы живем на даче.

— На даче... Вона... Удивительное дело! Милости просим! А мы только что встали и, извините, не совсем в порядке.

Михайлов, кисло улыбаясь и потирая руки, повел гостей по другую сторону дома. Ковалев надел очки и с видом знатока-туриста, обзеревающего достопримечательности, стал осматривать имение. Сначала он увидел большой каменный дом старинной тяжелой архитектуры с гербами, львами и с облупившейся штукатуркой. Крыша давно уже не была крашена, стекла отдавали радугой, из щелей между ступенями росла трава. Всё было ветхо, запущено, но в общем дом понравился. Он выглядел поэтично, скромно и добродушно, как старая девствующая тетка. Перед ним в нескольких шагах от парадного крыльца блистал пруд, по которому плавали две утки и игрушечная лодка. Вокруг пруда стояли березы, все одного роста и одной толщины.

— Ага, и пруд есть! — сказал Ковалев, щурясь от солнца. — Это красиво. В нем есть караси?

— Да-с... Были когда-то и карпии, но потом, когда перестали пруд чистить, все карпии вымерли.

— Напрасно, — сказал менторским тоном Ковалев. — Пруд нужно как можно чаще чистить, тем более, что ил и водоросли служат прекрасным удобрением для полей. Знаешь что, Вера? Когда мы купим это имение, то построим на пруду на сваях беседку, а к ней мостик. Такую беседку я видел у князя Афронта.

— В беседке чай пить... — сладко вздохнула Верочка.

— Да... А это что там за башня со шпилем?

— Это флигель для гостей, — ответил Михайлов.

— Как-то некстати он торчит. Мы его ломаем. Вообще тут многое придется сломать. Очень многое!

Вдруг ясно и отчетливо послышался женский плач. Ковалевы оглянулись на дом, но в это самое время хлопнуло одно из окон, и за радужными стеклами только на мгновение мелькнули два больших заплаканных глаза. Тот, кто плакал, видно, устыдился своего плача и, захлопнув окно, спрятался за занавеской.

— Не желаете ли сад посмотреть и постройки? — быстро заговорил Михайлов, морща свое и без того уж сморщенное лицо в кислую улыбку. — Пойдемте-с... Самое главное ведь не дом, а... а остальное...

Ковалевы отправились осматривать конюшни и сарай. Кандидат прав обходил каждый сарай, оглядывал, обнюхивал и рисовался своими познаниями по агрономической части. Он расспросил, сколько в имении десятин, сколько голов скота, побранил Россию за порубку лесов, упрекнул Михайлова в том, что у него пропадает даром много навоза, и т. д. Он говорил и то и дело взглядывал на свою Верочку, а та всё время не отрывала от него любящих глаз и думала: «Какой ты у меня умный!»

Во время осмотра скотного двора опять послышался плач.

— Послушайте, кто это там плачет? — спросила Верочка. Михайлов махнул рукой и отвернулся.

— Странно, — пробормотала Верочка, когда всхлипывания обратились в нескончаемый истерический плач... — Точно бьют кого или режут.

— Это жена, бог с ней... — проговорил Михайлов.

— Чего же она плачет?

— Слабая женщина-с! Не может видеть, как родное гнездо продают.

— Зачем же вы продаете? — спросила Верочка.

— Не мы продаем, сударыня, а банк...

— Странно, зачем же вы допускаете?

Михайлов удивленно покосился на розовое лицо Верочки и пожал плечами.

— Проценты нужно платить... — сказал он. — 2100 рублей каждый год! А где их взять? Поневоле взвоешь. Женщины,

известно, слабый народ. Ей вот и родного гнезда жалко, и детей, и меня... и от прислуги совестно... Вы изволили сейчас там около пруда сказать, что то нужно сломать, то построить, а для нее это словно нож в сердце.

Проходя обратно мимо дома, Ковалева видела в окнах стриженного гимназиста и двух девочек — детей Михайлова. О чем думали дети, глядя на покупателей? Верочка, вероятно, понимала их мысли... Когда она садилась в коляску, чтобы ехать обратно домой, для нее уже потеряли всякую прелесть и свежее утро и мечты о поэтическом уголке.

— Как всё это неприятно! — сказала она мужу. — Право, дать бы им 2100 рублей! Пусть бы жили в своем именье.

— Какая ты умная! — засмеялся Ковалев. — Конечно, жаль их, но ведь они сами виноваты. Кто им велел закладывать именье? Зачем они его так запустили? И жалеть их даже не следует. Если с умом эксплуатировать это именье, ввести рациональное хозяйство... заняться скотоводством и прочее, то тут отлично можно прожить... А они, свиньи, ничего не делали... Он, наверное, пьянчуга и картежник, — видела его рожу? — а она модница и мотовка. Знаю я этих гусей!

— Откуда же ты их знаешь, Степа?

— Знаю! Жалуетесь, что нечем проценты заплатить. И как это, не понимаю, двух тысяч не найти? Если ввести рациональное хозяйство... удобрять землю и заняться скотоводством... если вообще соображаться с климатическими и экономическими условиями, то и одной десятиной прожить можно!

До самого дома болтал Степа, а жена слушала его и верила каждому слову, но прежнее настроение не возвращалось к ней. Кислая улыбка Михайлова и два на мгновение мелькнувших заплаканных глаза не выходили из ее головы. Когда потом счастливый Степа два раза съездил на торги и на ее приданое купил Михалково, ей стало невыносимо скучно... Воображение ее не переставало рисовать, как Михайлов с семейством садится в экипаж и с плачем выезжает из насиженного гнезда. И чем мрачнее и сентиментальнее работало ее воображение, тем сильнее хорохорился

Степа. С самым ожесточенным авторитетом толковал он о рациональном хозяйстве, выписывал пропасть книг и журналов, смеялся над Михайловым — и под конец его сельскохозяйственные мечты обратились в смелое, самое беззастенчивое хвастовство...

— Вот ты увидишь! — говорил он. — Я не Михайлов, я покажу, как нужно дело делать! Да!

Когда Ковалевы перебрались в опустевшее Михалково, то первое, что бросилось в глаза Верочке, были следы, оставленные прежними жильцами: расписание уроков, написанное детской рукой, кукла без головы, синица, прилетавшая за подачкой, надпись на стене: «Наташа дура» и проч. Многое нужно было окрасить, переклеить и сломать, чтобы забыть о чужой беде.

СЧАСТЬЕ

Посвящается Я. П. Полонскому

У широкой степной дороги, называемой большим шляхом, ночевала отара овец. Стерегли ее два пастуха. Один, старик лет восьмидесяти, беззубый, с дрожащим лицом, лежал на животе у самой дороги, положив локти на пыльные листья подорожника; другой — молодой парень, с густыми черными бровями и безусый, одетый в рядно, из которого шьют дешевые мешки, лежал на спине, положив руки под голову, и глядел вверх на небо, где над самым его лицом тянулся Млечный путь и дремали звезды.

Пастухи были не одни. На сажень от них в сумраке, застилавшем дорогу, темнела оседланная лошадь, а возле нее, опираясь на седло, стоял мужчина в больших сапогах и короткой чумарке, по всем видимостям, господский объездчик. Судя по его фигуре, прямой и неподвижной, по манерам, по обращению с пастухами, лошадью, это был человек серьезный, рассудительный и знающий себе цену; даже в потемках были заметны в нем следы военной выправки и то величаво-снисходительное выражение, какое

приобретается от частого обращения с господами и управляющими.

Овцы спали. На сером фоне зари, начинавшей уже покрывать восточную часть неба, там и сям видны были силуэты не спавших овец; они стояли и, опустив головы, о чем-то думали. Их мысли, длительные, тягучие, вызываемые представлениями только о широкой степи и небе, о днях и ночах, вероятно, поражали и угнетали их самих до бесчувствия, и они, стоя теперь как вкопанные, не замечали ни присутствия чужого человека, ни беспокойства собак.

В сонном, застывшем воздухе стоял монотонный шум, без которого не обходится степная летняя ночь; непрерывно трещали кузнечики, пели перепела, да на версту от отары в балке, в которой тек ручей и росли вербы, лениво пошвыстывали молодые соловьи.

Объездчик остановился, чтобы попросить у пастухов огня для трубки. Он молча закурил и выкурил всю трубку, потом, ни слова не сказав, облокотился о седло и задумался. Молодой пастух не обратил на него никакого внимания; он продолжал лежать и глядеть на небо, старик же долго оглядывал объездчика и спросил:

— Никак Пантелей из Макаровской экономии?

— Я самый, — ответил объездчик.

— То-то я вижу. Не узнал — богатым быть. Откуда бог несет?

— Из Ковылевского участка.

— Далече. Под скопчину отдаете участок?

— Разное. И под скопчину, и в аренду, и под бакчи. Я, собственно, на мельницу ездил.

Большая старая овчарка грязно-белого цвета, лохматая, с ключьями шерсти у глаз и носа, стараясь казаться равнодушной к присутствию чужих, раза три покойно обошла вокруг лошади и вдруг неожиданно, с злобным, старческим хрипеньем бросилась сзади на объездчика, остальные собаки не выдержали и повскакали со своих мест.

— Цыц, проклятая! — крикнул старик, поднимаясь на локте. — А, чтоб ты лопнула, бесова тварь!

Когда собаки успокоились, старик принял прежнюю позу и сказал покойным голосом:

— А в Ковылях, на самый Вознесенъев день, Ефим Жменя помер. Не к ночи будь сказано, грех таких людей сгадывать, поганый старик был. Небось слышал?

— Нет, не слышал.

— Ефим Жменя, кузнеца Степки дядя. Вся округа его знает. У, да и проклятый же старик! Я его годов шестьдесят знаю, с той поры, как царя Александра, что француза гнал, из Таганрога на подводах в Москву везли. Мы вместе ходили покойника царя встречать, а тогда большой шлях не на Бахмут шел, а с Есауловки на Городище, и там, где теперь Ковыли, дудачьи гнезды были — что ни шаг, то гнездо дудачье. Тогда еще я заметил, что Жменя душу свою сгубил и нечистая сила в нем. Я так замечаю: ежели который человек мужицкого звания всё больше молчит, старушечьими делами занимается да норовит в одиночку жить, то тут хорошего мало, а Ефимка, бывало, смолоду всё молчит и молчит, да на тебя косо глядит, всё он словно дуется и пыжится, как пивень перед куркою. Чтоб он в церковь пошел, или на улицу с ребятами гулять, или в кабак — не было у него такой моды, а всё больше один сидит или со старухами шепчется. Молодым был, а уж в пасечники да в бакчевники нанимался. Бывало, придут к нему добрые люди на бакчи, а у него арбузы и дыни свистят. Раз тоже поймал при людях шуку, а она — го-го-го-го! захохотала...

— Это бывает, — сказал Пантелей.

Молодой пастух повернулся на бок и пристально, подняв свои черные брови, поглядел на старика.

— А ты слышал, как арбузы свистят? — спросил он.

— Слышать не слышал, бог миловал, — вздохнул старик, — а люди сказывали. Мудреного мало... Захочет нечистая сила, так и в камне свистеть начнет. Перед волей у нас три дня и три ночи скеля¹ гудела. Сам слышал. А шука хохотала, потому Жменя заместо шуки беса поймал.

Старик что-то вспомнил. Он быстро поднялся на колени и, пожимаясь, как от холода, нервно засовывая руки в рукава, залепетал в нос, бабьей скороговоркой:

---

¹ скала.

— Спаси нас, господи, и помилуй! Шел я раз бережком в Новопавлонку. Гроза собиралась, и такая была буря, что сохрани царица небесная, матушка... Поспешаю я что есть мочи, гляжу, а по дорожке, промеж терновых кустов — терен тогда в цвету был — белый вол идет. Я и думаю: чей это вол? Зачем его сюда занесла нелегкая? Идет он, хвостом машет и му-у-у! Только, это самое, братцы, догоняю его, подхожу близко, глядь! — а уж это не вол, а Жменя. Свят, свят, свят! Сотворил я крестное знамение, а он глядит на меня и бормочет, бельмы выпучивши. Испужался я, страсть! Пошли рядом, боюсь я ему слово сказать, — гром гремит, молонья небо полосует, вербы к самой воде гнутся, — вдруг, братцы, накажи меня бог, чтоб мне без покаяния помереть, бежит поперек дорожки заяц... Бежит, остановился и говорит по-человечьи: «Здорово, мужики!» Пошла, проклятая! — крикнул старик на лохматого пса, который опять пошел обходом вокруг лошади. — А, чтоб ты издохла!

— Это бывает, — сказал объездчик, всё еще опираясь на седло и не шевелясь; сказал он это беззвучным, глухим голосом, каким говорят люди, погруженные в думу.

— Это бывает, — повторил он глубокомысленно и убежденно.

— У, стервячий был старик! — продолжал старик уже не так горячо. — Лет через пять после воли его миром в конторе посекали, так он, чтобы, значит, злобу свою доказать, взял да и напустил на все Ковыли горловую болезнь. По-вымерло тогда народу без счету, видимо-невидимо, словно в холеру...

— А как он болезнь напустил? — спросил молодой пастиух после некоторого молчания.

— Известно, как. Тут ума большого не надо, была бы охота. Жменя людей гадючьим жиром морил. А это такое средство, что не то, что от жиру, даже от духу народ мрет.

— Это верно, — согласился Пантелей.

— Хотели его тогда ребята убить, да старики не дали. Нельзя его было убивать; он знал места, где клады есть. А кроме него ни одна душа не знала. Клады тут заговоренные, так что найдешь и не увидишь, а он видел. Бывало,

Содержание

<i>И. Н. Сухих. «Вишневый сад» и окрестности.....</i>	<i>3</i>
Чужая беда	9
Счастье	14
Свирель	23
Черный монах	31
В усадьбе	63
Дом с мезонином (Рассказ художника).....	71
У знакомых (Рассказ)	89
Новая дача	107
Вишневый сад	121
<i>Комментарии .....</i>	<i>184</i>